

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ПО ИСТОРИИ НАХШЕБА В III—V ВЕКАХ

Долина реки Кашка-Дарьи является одной из наименее изученных в археологическом отношении областей Узбекистана. Для регистрации памятников этой долины автором настоящей статьи, по поручению Института истории и археологии Академии наук УзССР, в 1946—1954 гг. велись археологические разведки, преимущественно в низовьях реки. Эта часть долины в древности называлась Нахшеб; ныне ее можно условно назвать Каршинским оазисом, по названию областного центра — гор. Карши. Территория оазиса административно включена в Каршинский, Бешкентский и Касанский районы УзССР.

Каршинский оазис отличается обилием развалин древних поселений: на площади примерно в 2000 кв. км их насчитывается около 300. В особенности многочисленны развалины древних поселений в восточной части оазиса, лучше обеспеченной водой. Наблюдения над материалами, собранными на поверхности и в обнажениях, а также из небольших разведочных раскопов, дали возможность выделить памятники различных периодов рабовладельческой и феодальной формаций, на протяжении от первых веков до н. э. и до монгольского завоевания (XIII в.). В этом хронологическом отрезке можно проследить четыре периода, характеризующиеся следующими изменениями в производстве и быту древних обитателей оазиса:

1-й период: III в. до н. э. — II в. н. э. Широко разветвленная ирригационная система оазиса. Много поселений прямоугольных в плане, укрепленных стенами. Высококачественная керамика.

2-й период: III—V вв. н. э. Появление поселений нового типа, в виде небольших усадеб без укреплений. Признаки перехода кочевников к оседлости. Снижение качества изделий керамического производства. К концу периода — сокращение ирригационной сети и запустение многих сельских поселений, а также и единственного города (Ер-Курган).

3-й период: VI—VIII вв. Наличие поселений прямоугольных и округлых в плане, видимо, признак сосуществования обществ с различным уровнем развития. Города возникают только в VIII в. В гончарном ремесле — сохранение некоторых традиций древнего керамического производства и появление новых керамических форм.

4-й период: IX в. — начало XIII в. Нахшеб — провинция первых крупных феодальных государств. Развитие неукрепленных поселений на развалинах старых сооружений. Рост городских центров — Несефа, Кесбы и Безды. В конце периода — монгольское завоевание.

Настоящее краткое сообщение преследует цель осветить некоторые вопросы истории рабовладельческого общества Нахшеба, главным образом в III—V вв., путем рассмотрения общего характера обнаруженных здесь археологических памятников.

Среди развалин поселений эпохи рабовладельческого общества выявлено несколько типов, различающихся особенностями планировки и рельефа. Часто встречаются поселения прямоугольные в плане, с вышкой в одном из углов. Типичным

поселением этого вида является Мудин-тепе¹. Другой тип представлен развалинами поселения, известного под названием Кала-и-Захаки-Морон, которое находится возле станции Карши. В плане поселение было почти квадратным, с длиной сторон около 400 м; в центре выделяется бугор с длиной сторон 60 × 60 м, окруженный двумя концентрическими стенами. Видимо, это развалины замка. Другие памятники типа Кала-и-Захаки-Морон отличаются от него меньшими размерами и наличием не двух стен вокруг замка, а только одной. Как показали материалы разведок, многие поселения типа Мудин-тепе и Кала-и-Захаки-Морон существовали с первых веков до н. э. и до V в. н. э.; некоторые из них продолжали существовать и позднее. Обычно это крупные поселения с мощными укреплениями.

Третьим типом остатков древних поселений являются небольшие бугры, высотой в 1—3 м, диаметром до 30 м, округлые в плане. Раскопки одного из них (близ селения Никуз) показали, что это развалины небольшого однослойного поселения типа усадьбы. Памятники относятся к III—V векам.

Наконец, четвертый тип сельских поселений представлен развалинами, известными под названием Шор-тепе². Поселение возникло еще в первый из отмеченных выше периодов истории древнего населения Нахшеба, а затем было сильно разрушено и перестроено новыми поселенцами, видимо кочевниками, перешедшими к оседлости в IV—V веках.

В пределах оазиса отмечены развалины только одного города эпохи рабовладельческого строя, это — городище Ер-Курган³, находящееся в северной части оазиса. Как и в большинстве поселений сельского типа, в этом памятнике два слоя (III в. до н. э. — II в. н. э. и III—V вв. н. э.).

Слои ранних поселений, эпохи рабовладельческого общества, скрыты под мощными поздними наслоениями. Этим главным образом объясняется скудость выявленных при разведках материалов, относящихся к периоду развитого рабовладельческого общества.

Наиболее характерным материалом, по которому возможно было определить древнейшие наслоения, являются обломки бокалообразных сосудов с красным лощением и с ангобом, подобных сосудам, найденным в других районах Средней Азии⁴ и датированным первыми веками до н. э. Обломки подобных сосудов встретились в нижних наслоениях Ер-Кургана, Мудин-тепе, Шор-тепе и на Кала-и-Захаки-Морон; в обнажениях последнего обнаружен сырцовый кирпич размером 42 × 42 × 10 см, характерный для античных памятников Хорезма⁵.

Распространение памятников типа Мудин-тепе и Кала-и-Захаки-Морон по всей территории оазиса свидетельствует о том, что уже в первых веках до н. э. здесь существовала широко разветвленная система ирригации; время возникновения этой системы и связанных с ней древнейших поселений возможно будет установить только в результате крупных систематических раскопок; сейчас можно только высказать предположение, что земледелие, основанное на искусственном орошении, возникло в низовьях Кашка-Дарья в середине первого тысячелетия до н. э. Многие древние поселения оазиса были оставлены в III—V вв., что указывает на упадок рабовладельческого общества Нахшеба в этот период.

¹ С. К. Кабанов, Археологические работы 1948 года в Каршинском оазисе, «Труды Института истории и археологии Академии наук УзССР», т. II, Ташкент, 1950, стр. 87—106.

² С. К. Кабанов, Археологические раскопки на Шор-тепе близ Карши, «Изв. АН УзССР» 1954, № 1, стр. 82—94.

³ С. К. Кабанов, Археологические работы 1948 года., стр. 106—132.

⁴ А. И. Тереножкин, К историко-археологической периодизации древнего Самарканда, ВДИ, 1947, № 4 стр. 129; М. М. Дьяконов, Работы Кафирниганского отряда, «Труды Согдийско-таджикской археологической экспедиции», т. I, М.—Л., 1950, стр. 165—166 п табл. 83.

⁵ С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 90.

Археологические источники по истории населения Нахшеба в III—V вв. много богаче и разнообразнее. Даже небольшие разведочные раскопки в верхних слоях не-

Рис. 1. Дагай-тепе. Тонкостенные кувшипочки. III—IV вв.

которых памятников (Ер-Курган, Шор-тепе) дали возможность выявить интересный комплекс вещественных остатков, характеризующий материальную культуру общества.

Рис. 2. Шор-тепе. Тонкостенные кувшипочки. IV—V вв.

Датировка слоя III—V вв. была установлена сначала на основании керамических материалов, с привлечением исторических данных¹; позднее она подтвердилась монетными находками².

¹ С. К. Кабанов Археологические работы 1948 года..., стр. 116—132.

² С. К. Кабанов, Археологические раскопки на Шор-тепе..., стр. 92.

Из сосудов станковой работы наиболее многочисленными и характерными для наслоений III—V вв. оказались тонкостенные кувшинчики, высотой в 13,5—16,5 см, найденные в хорошей сохранности или в крупных фрагментах на Мудин-тепе, Еркургане¹, Дагай-тепе (рис. 1), Шор-тепе (рис. 2), в небольшом бугре близ селения

Рис. 3. Дагай-тепе. Чаша. III—IV вв.

Никуз и в ряде других памятников. находка таких сосудов в одном из памятников — на Шор-тепе вместе с монетами делает эти сосуды надежным датированным признаком. Вместе с кувшинчиками в ряде памятников встречались тонкостенные чаши на узком доннышке (рис. 3), покрытые красным ангобом — также весьма характерная керамическая форма для наслоений этих времен.

Рис. 4. Шор-тепе. Обломки ручных жерновов. IV—V вв.

Знаменательно, что в этих же наслоениях встречаются в одних случаях зернотерки (Дагай-тепе, Никуз-тепе), в других — ручные жернова (Шор-тепе). Видимо, в III—V вв. происходил процесс вытеснения из обихода зернотерок и замены их ручными жерновами, что указывает на рост производительных сил, выражавшийся в усовершенствовании орудий труда. Жернова найдены в крупных фрагментах (рис. 4); диаметр

¹ С. К. Кабанов, Археологические работы 1948 года., стр. 100—101 и 118—119.

одного из них — 27 см. Нижние камни жерновов — с выпуклой поверхностью, верхние — с вогнутой. На краю одного из верхних камней сохранилось углубление для рукоятки.

Нередки находки пряслиц (рис. 5), преимущественно из глины, но встречаются и

Рис. 5. Шор-тепе. Пряслица. IV—V вв.

алебастровые. Пряслица различной формы — конические, биконические и кольцевые, размер их 2,5 — 4 см в диаметре, 2—3 см в высоту.

Из орудий труда, характеризующих текстильное производство, интересна находка двух подвесок для ткацкого станка. Обе пирамидальной формы, одна из обожжен-

Рис. 6. Шор-тепе. Грузила ткацких станков
ной глины (рис. 6, слева), другая — из необожженной (рис. 6, справа); высота последней — 5,5 см. находка таких грузил указывает, что ткали на вертикальном

Рис. 7. Дагай-тепе. Сосуды. III—IV вв.

станке. Подобные грузила имели очень широкий ареал распространения в античную эпоху и даже в период бронзы¹.

¹ Литературу вопроса см. в работе Б. А. Куфтина «Материалы к археологии Колхиды», т. I, Тбилиси, 1949, стр. 14—17; там же дано воспроизведение вертикального ткацкого станка. Подобные грузила найдены на многих античных городищах, например, в Илурате (В. Ф. Гайдукевич, Новые исследования Илурата, КСИИМК, вып. XXXVII, М.—Л., 1951, стр. 206).

Подавляющую часть находок при раскопках, как обычно в Средней Азии, составили фрагменты посуды. Тонкость выделки упомянутых выше кувшинчиков, изящность и относительное однообразие их форм — все это могло бы дать основание предположить, что это ритуальные предметы, но большое количество находок сосудов этого вида в наслоениях ряда памятников не подтверждает такого предположения. Вернее, что эти миниатюрные кувшины употреблялись в качестве кружек.

Из сосудов станковой работы отметим еще горшок с плоским дном и широким устьем и поильник для детей (рис. 7) с широким устьем, ручкой и носиком¹.

Характерно, что в наслоениях III—V вв. не найдены фрагменты керамики с красным лощением. Применялся ангоб — для чаш обычно красный или черный, для кувшинчиков — белый, для более крупных сосудов — серый или желтоватый.

Для истории ремесленного производства Намшеба весьма важным источником является открытие гончарной печи, предназначенной для обжига тонкостенной керамики².

Характерной чертой слоев III—V вв. является значительно большее количество лепной керамики, чем в предшествующее время. Подавляющую часть находок этого вида составляют фрагменты котлов грубой лепки, с большой примесью толченой керамики в глиняном тесте. На Шор-тепе в большом количестве встречались крупные фрагменты сосудов с закругленным дном³. В ряде памятников (Ер-курган, Мудин-тепе, Каджар-тепе и др.) найдены фрагменты чаш на высоких стержнях, украшенных налечным орнаментом в виде шипов и круглых комочков глины (рис. 8). Находки таких сосудов относительно редки; видимо, это — ритуальные светильники. Отметим еще глиняные подставки для вертелов, встречающиеся в большом количестве (рис. 9); видимо, две такие подставки служили опорой для стержня, на который нанизывались кусочки мяса при приготовлении его в виде шаплыка; концы

Рис. 8. Мудин-тепе. Фрагмент светильника (?). III—V вв.

стержня вставлялись в отверстия или во вдавления, нанесенные на обе широкие стороны подставки.

Рис. 9. Подставки для вертелов: а — из Шор-тепе; б — из Дагай-тепе; в — из Каркаваль-тепе

¹ Керамические находки III—V вв. более подробно описаны в статье: С. К. Кабанов, Археологические работы 1948 года..., стр. 99—102, 116—119.

² Там же, стр. 113—116.

³ С. К. Кабанов, Археологические раскопки на Шор-тепе..., стр. 86—87.

Как в культурных слоях, так и на поверхности поселений обнаружено некоторое количество памятников изобразительного искусства. Очень характерны грубо слепленные из глины изображения животных, главным образом баранов (рис. 10).

Рис. 10. Шор-тепе. Светильник. IV—V вв.

На Шор-тепе была найдена еще подвеска из песчаника с изображением джейрана в прыжке, с головой, обращенной назад (рис. 11). Подвеска имеет вид диска, диаметром в 8,5 см и толщиной в центре в 3,5 см. На одной из сторон диска сделано углуб-

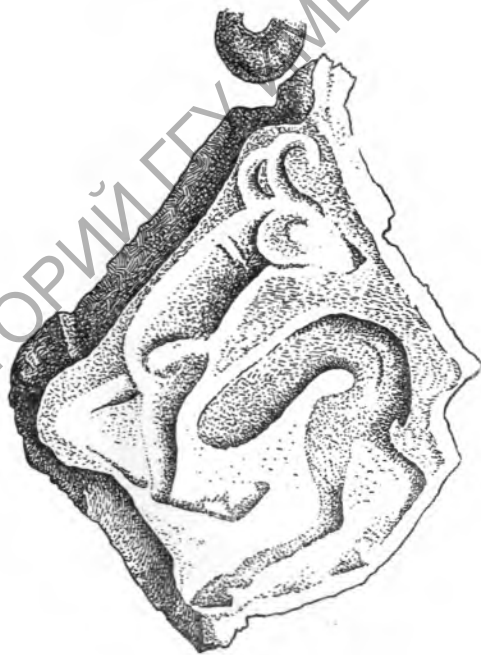

Рис. 11. Шор-тепе. Изображение джейрана на каменной подвеске (рис. худ. Г. Н. Никитина)

ление в виде ромба, в котором выгравировано изображение животного, сильно вытянутое в высоту. Видимо, стремление художника вписать изображение в раму определило некоторую условность рисунка.

Сходный по сюжету и стилю памятник обнаружен нами в более поздних наслоениях в развалинах другого поселения — на Кафир-тепе, находящемся в 2 км к югу от гор. Карши. Здесь в комплексе VI—VII вв. была найдена круглая пластинка из кости или рога, бледнокремового цвета, с плоскими боковыми поверхностями, диа-

Рис. 12. Кафир-тепе. Костяные пластинки с изображением гепарда и коня. VI—VII вв.

метром в 2,3 см; ширина пластинки — 0,9 см. На одной стороне пластинки вырезано изображение коня, на другой — крупного хищного животного, видимо, гепарда

Рис. 13. Шор-тепе. Терракота. IV—V вв.

Рис. 14. Шор-тепе. Терракота. IV—V вв.

(рис. 12). Оба изображения вписаны в круг, но здесь они более реалистичны, чем джейран, выгравированный на каменном диске из Шор-тепе.

Отметим еще две терракоты со штампованным изображением мужчины из развалин Шор-тепе (рис. 13 и 14)¹. Изображения выполнены двумя различными штампами, но сходство их настолько очевидно, что нет никакого сомнения в том, что оба изображения являются изваяниями на глине одного лица².

Интересная терракота поднята на поверхности Кендали-тепе, близ селения Камаша, примерно в 40 км к западу от Карши. На плитке оттиснуто изображение мужчины европеоидного типа (рис. 15), с характерным головным убором в виде складчатой плоской повязки, обрамленной впереди двойным валиком; ухо закрыто складчатой же тканью, ниспадающей сверху. Еще различается шея, обрамленная рельефной оторочкой одежды, правое плечо и часть руки. Рядом с терракотой был найден фрагмент кубка первых веков нашей эры; видимо, к этому времени относится и изображение.

На Дагай-тепе, при расчистке завала VIII—IX вв., было обнаружено терракотовое изображение головы женщины в высоком головном уборе, широкими валиками ниспадающем на лоб. Лицо европеоидного типа, асимметричное, с большими глазами, широким носом и пухлыми губами (рис. 16). Терракоту нельзя датировать временем, к которому относится завал, так как для этого периода (VIII—IX вв.) терракотовые изображения подобного типа не характерны. Статуэтка, видимо, относится к более древнему слою этого же памятника, т. е. к III—IV векам.

Рис. 15. Кендали-тепе. Терракота

Рис. 16. Дагай-тепе. Терракота

Изучение материала археологических разведок и сопоставление его с письменными источниками дают возможность высказать предположение о некоторых событиях политической жизни в древнем Нахшебе.

Несколько времени тому назад нами был установлен факт поселения правителя Больших Юечжи Кидара в Нахшебе, в гор. Боло, развалинами которого, как есть

¹ С. К. К а б а н о в, Археологические раскопки на Шор-тепе..., стр. 90—91; к сожалению, в названном издании по вине типографии клише перепутаны: для исправления нужно изображение, помещенное на стр. 91, перенести на стр. 90, а второе изображение — на стр. 91.

² Ниже мы сделаем попытку установить, кто именно здесь изображен.

основания полагать, является городище Ер-курган¹. Кидариты² известны историческим источникам как народ полукочевой³, и, следовательно, если их глава обосновался в единственном городе оазиса, то, надо полагать, отдельные роды поселились в этой же местности поблизости. Имея в виду, что верхние слои Ер-кургана и Шор-тепе одновременны и что в наслоениях последнего выявлены признаки кочевнического быта, возможно предположить, что Шор-тепе является развалинами поселения одного из родов кидаритов.

В своей недавней работе Р. Гиршман делает попытку доказать, что Кидар был современником Шапура II (309—379 гг.), а упоминание Кидара в хронике Приска Панийского он считает анахронизмом⁴. Однако указание Приска Панийского подкрепляется еще и сведениями китайского путешественника Сун-юаня, на основе которых Маркварт определяет время основания кидаритами государства в Индии 470 годом⁵, что совпадает с датой ухода (около 468 г.) кидаритов из Нахшеба⁶. Свидетельство двух независимых один от другого источников, византийского и китайского, не дают оснований сомневаться в том, что кидариты переселились из Средней Азии в Индию около 468 г. Не было сомнений и в вопросе о времени прихода кидаритов на юг Средней Азии. До опубликования указанной книги Р. Гиршмана никто не оспаривал вывода А. Гутшмида, основывавшегося на показании Бейши, о том, что кидариты поселились в Балхе (?) около 420 г.⁷ Как подтверждение этой датировки можно рассматривать указание Каннингема на монету с надписью, содержащей имя Кидара и дату, которую в переводе на наше летоисчисление можно читать как 317 или 417 г.⁸, причем сам исследователь считает верной последнюю дату. В свете приведенных свидетельств нельзя согласиться с мнением Р. Гиршмана, когда он время правления кидаритов в Средней Азии датирует IV веком, вопреки принятой ранее датировке (V в.).

Для нас важно отметить, что перенесение времени правления кидаритов на юг Средней Азии к IV в. не может повлиять на наши выводы; но в этом случае Кунхаса уже нельзя будет считать сыном Кидара, как считал И. Маркварт, видимо на основании близости хронологических данных о Кидаре и Кунхасе⁹; последнего нужно будет считать более дальним потомком Кидара.

Гор. Боло (По-ло) Р. Гиршман, вслед за Клапротом, Гутшмидом и рядом других авторов, идентифицирует с Балхом¹⁰, не принимая во внимание прямого свидетельства Бейши о том, что гор. Боло находился в Ношеболо¹¹ (Нахшебе); не принимается им во внимание и то обстоятельство, что в это время Балх был известен той же хронике

¹ С. К. Кабанов, К вопросу о столице кидаритов, ВДИ, 1953, № 2, стр. 201 сл.

² Для того, чтобы не усложнять изложение, мы будем употреблять этот династический термин, так как с наименованием «Большие Юечжи» связан обширный круг вопросов, которых мы здесь не можем касаться.

³ Н. Пигулевская, Сирийские источники по истории народов СССР, М.—Л., 1941, стр. 50.

⁴ R. G h i r s h m a n, Les Chionites-Hephtalites, Le Caire, 1948, стр. 74—75.

⁵ J. M a r q u a r t, Eränšahr nach der Geographie des Ps. Moses Chorene'i, «Abhandlungen der k. Gesellschaft zu Göttingen», philol.-hist. Klasse, Neue Folge, т. III, № 2, В., 1901, стр. 59.

⁶ С. К. Кабанов К вопросу о столице кидаритов, стр. 207.

⁷ A. G u t s c h m i d, Geschichte Irans und seiner Nachbarländer, Tübingen, 1888, стр. 170.

⁸ A. C u n n i n g h a m, Later Indo-Scythians, «The Numismatic Chronicle», Third Ser., т. XIII, L., 1893, стр. 184—185.

⁹ Приск Панийский упоминает Кунхаса (Кунха) в своей записи от 465 г.; см. «Сказания Приска Панийского», пер. Г. С. Дестуниса, СПб., 1860, стр. 90—91. Появление Кидара на юге Средней Азии относилось приблизительно к 420 г.

¹⁰ R. G h i r s h m a n, ук. соч., стр. 76.

¹¹ Н. Я. Бичурин (Шакинф), Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, М.—Л., 1950, т. II, стр. 264.

Бейши под другим названием (По-чжи)¹. Видимо отождествление Боло с Балхом порождено слабой изученностью археологических памятников данной территории.

Изложенные факты истории Нахшеба позволяют нам высказать предположения о персонаже, лицо которого представлено в двух терракотах из Шор-тепе.

Нахшеб — небольшой оазис, заброшенный среди степей и полупустыни, никогда не играл такой выдающейся роли в истории Средней Азии, как другие города и оазисы — Самарканд, Маргиана, Балх, Бухара, Хорезм. Теперь, на основе сопоставления исторических и археологических данных, выявляется, что некоторое время в Нахшебе была резиденция династии (или отдельных ее представителей) полукочевников, которой удалось объединить под своей властью довольно обширную территорию, простиравшуюся от Средней Азии до Индии, вдоль восточных границ Ирана. Это объединение было недолгим и непрочным, но то обстоятельство, что представители этой династии могли в течение по крайней мере десятилетий выдержать борьбу с сасанидским Ираном, говорит, что они были далеко не слабыми правителями. Поэтому, когда в развалинах одного из сельских поселений древнего Нахшеба (верхние наслоения которого есть основание датировать IV—V веками и определить как развалины поселения недавно перешедших к оседлости кочевников) найдены два изображения одного и того же лица, выполненные двумя различными штампами, то трудно предположить, что это культовые изображения. Терракоты представляют, несомненно, владетельное лицо — в короне и с мечом, в роскошной одежде. Против религиозного значения представленного лица говорит наличие такого атрибута, как меч, не характерный для местных культовых изображений. Но подобные изображения еще нигде не встречены. Принимая, что терракоты — изображения светского владетеля, мы можем предположить, что они являются изображениями одного из представителей этой династии. Одна из терракот найдена в верхних слоях раскопа и может быть отнесена к последнему периоду существования поселения. Исходя из всех этих данных, мы решаемся высказать предположение: рассматриваемые изваяния на глине являются изображениями одного из последних представителей кидаритов в Средней Азии.

Правда, наше определение последних обитателей Шор-тепе как кидаритов, а также объяснение терракотовых изображений пока что остаются рабочими гипотезами, на основе которых еще не следует делать дальнейших выводов (в частности — об этнической принадлежности кидаритов); они должны быть проверены дальнейшими работами в Каршинском оазисе.

Оставление жителями многих поселений в III—V вв., видимо, нужно рассматривать не только как следствие политических, но главным образом как результат экономических изменений внутри общества. Симптоматичным нужно считать и появление небольших поселений типа усадьбы (Никуз). Развалины этого поселения представляют собой овальный в плане бугор, с наибольшим диаметром в 18 м; при вскрытии обнаружены остатки стилобата небольшого здания и дворика с очагом. Видимо, это была усадьба земледельца, возможно — крестьянина. Появление таких усадеб в III—IV вв. может свидетельствовать о выделении прослойки до некоторой степени неза-

¹ J. M a g q u a r t, ук. соч., стр. 55. А. М. Мандельштам в недавно опубликованной статье «О некоторых вопросах сложения таджикской народности в Среднеазиатском междуречье» (СА, XX, М., 1954, стр. 57—99) принимает, правда с оговоркой, что Ношеболо соответствует Нахшебу (ук. статья, стр. 79), но попрежнему отождествляет Боло с Балхом (стр. 80), совершенно не замечая при этом указания Бейши о том, что Боло находится в Ношеболо, хотя это указание им же самим и приводится (стр. 77).

Оговорка А. М. Мандельштама в отношении отождествления Ношеболо-Нахшеб вызывается наличием в первом названии необъяснимого окончание «ло» (ук. соч., стр. 79); конечно, трудно объяснить этот факт, пока возможно только предположить, что этот слог все-таки связан со словом «Боло», которое китайский автор или переписчик, ошибочно или по правилам, судить о которых может только лингвист, объединили со словом «Ношебо», так как последний слог названия оазиса (Ношебо) и первый слог названия города (Боло) — совпали.

висимых земледельцев, что является определенным признаком разложения рабовладельческого общества.

Признаком какого-то изменения в ремесленном производстве является ухудшение качества керамических изделий. С другой стороны, замена зернотерок ручными жерновами свидетельствует об общем подъеме производительных сил, послуживших в своем дальнейшем развитии основой для более высокого типа производственных отношений, сложившихся в эпоху феодализма. Несомненно, что расширение археологических исследований древнего Нахшеба позволит глубже изучить все эти процессы.

С. К. Кабанов